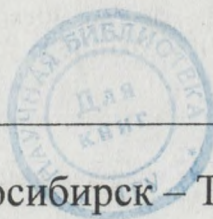

2003 – № 2

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Кемерово – Новосибирск – Томск

РЕЦЕНЗИИ

Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.) Новосибирск, 2001.

Рецензируемая монография написана томскими литературоведами, труды которых широко известны филологам-профессионалам и любителям российской словесности. Тема, вынесенная в заглавие книги, имеет для науки особое значение, поскольку открывает новые исследовательские горизонты, предполагая существенную корректировку долгое время бытовавших ложных взглядов на русский литературный процесс в целом и на отдельные творческие индивидуальности, в этот процесс включенные. При этом следует сразу подчеркнуть, что труд Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой выгодно отличается от появившейся в последнее время конъюнктурной продукции с аналогичной тематикой своей академической фундаментальностью и основательной теоретической разработкой сложных проблем и вопросов.

Во вводной главе авторы монографии отметили, что толчком к исследованию указанной темы «послужил сам литературный материал», который ими изучался и в прошлые годы. Это, на первый взгляд, проходное замечание имеет в данном случае принципиальное значение, так как характеризует строгий научный подход к предмету анализа. Авторы не стремятся отыскать какую-либо «модную» концепцию, чтобы через нее путем «наложения» интерпретировать конкретный материал. Авторитетность исходного текста в широком смысле этого слова для них играет основную роль. Она и определяет достоверность научных выводов.

Авторы монографии базируются при этом на фундаментальном положении о типе русской культуры, носящей православно-христианский характер и, как отмечал еще Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа», устремленной к постижению «религиозной истины». Поддерживал эту идею и наш известный религиозный философ Г.П. Федотов, писавший, что, «невзирая на холод целого века Просвещения, подпочва русской жизни была и долго еще оставалась религиозно горячей». По сути, русская литература XIX века и выросла на почве, обогреваемой этим «подземным теплом».

Углубляясь в указанную проблему, авторы монографии, что совершенно справедливо, выдвинули на первый план творческую индивидуальность В.А. Жуковского, рассматривая ее в контексте русской романтической литературы и культуры. Но русский романтизм, как известно, при всей своей самобытности в высокой степени подпитывался шеллингианской философией. Однако в этом пункте не возникало каких-либо коллизий между немецким влиянием и русским православием, ибо, как отметил упомянутый ранее Г.П. Федотов, «царский путь» русской мысли шел от немецкой философии к христианству. Шеллингианская идея «тождества» предполагала единство «материального» и «духовного» и конечную вселенскую гармонию. Все эти моменты не противоречили христианскому вероучению, а для романтического искусства имели основополагающее значение. Однако заметный сдвиг именно в сторону религии у русских писателей и мыслителей произошел, как отмечают исследователи, в 30-40-е годы, когда они ощутили неспособность немецких философов «соединить реальное, действительное и идеальное» (с.7; здесь и ниже ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках

с указанием страниц). Жуковский в условиях этого «кризиса» сохранил в своем творческом сознании идею соединения «духа и бытия», преодолевая тем самым концепцию «двоемирия».

Авторы работы убедительно доказывают особо значимый смысл соединения в поэзии и прозе Жуковского материальной и духовной сфер. Этот смысл заключается в том, что через «мир сущий», по богословским понятиям, можно постичь божественное начало, если вполне довериться бытию. И Жуковский, как отмечают авторы монографии, целенаправленно стремится постичь «духовную силу» Бога и поэтически ее воплотить в образах «таинственного» и «невыразимого», которые связывают мир «дольний» и мир «горний». В этом отношении поэт выглядит как правоверный христианин, поскольку выраженное им в слове мироощущение и миропонимание точно соотносится с позицией христианского мистического богословия. В подтверждение приведем высказывание православного богослова В.Н. Лосского: «...Бог пребывает там, куда наши знания, наши понятия не имеют доступа. В нашем духовном восхождении только все более и более достоверным образом открывается абсолютная непознаваемость Божественной природы. Все более и более к ней устремляясь, душа непрестанно растет, из себя выходит, себя превосходя, в жажде большего; так восхождение становится бесконечным, желание – неутолимым» [Лосский, 1991, с. 29].

Поэзия Жуковского в ее «вечном» стремлении разгадать Божественную суть земного бытия соотносилась со многими проблемами, которые решались так или иначе многими деятелями русской литературы и искусства. В этом отношении духовное наследие Жуковского представляет собой эпохальную типологическую «модель». Во вводной главе авторы четко прописывают направления нравственно-эстетических исканий наиболее характерных творческих личностей, органично связанных с религиозным духом произведений Жуковского. Авторы закономерно выделяют фигуру «позднего» Гоголя и соответствующее «сопровождение» в лицах таких деятелей, как Г.С. Батеньков и А.С. Стурдза. Функционально они проясняют историческое значение роли Жуковского в формировании русской духовной культуры XIX века.

Если посмотреть на вводную главу с методологической точки зрения, можно констатировать, что авторы внесли значительные коррективы в понимание литературного процесса первой половины XIX века. Опираясь на собственные исследования и учитывая положительный опыт коллег, они утвердили значение не только поэтического, но и духовного наследия Жуковского, повлиявшего на многие стороны литературной и культурной жизни России. Чтобы понять значение этой позиции авторов, полезно вспомнить, в каком «захолустье» пребывал Жуковский в сознании советской литературной общественности. В связи с этим необходимо оценить и трактовку творчества «позднего» Гоголя, выведенного авторами из густой критической тени марксистского литературоведения.

В следующих главах развиваются и углубляются главные теоретические тезисы, сформулированные во введении. Ф.З. Канунова посвятила отдельную главу системному рассмотрению творческих взаимоотношений Жуковского и Гоголя. Она выделяет и анализирует сходство позиций обоих писателей, их увлеченность «святоотеческим любомудрием», которое привело к «цельному знанию» на основе религиозной веры. Опираясь на материалы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, Ф.З. Канунова подробно исследует такую важную проблему, как соотношение художественного и религиозного сознания. В аналогичном аспекте рассматриваются и библейские сюжеты в романтической прозе Жуковского. Этой теме посвящена глава, написанная И.А. Айзиковой, в которой читатель может найти массу свежих наблюдений, основанных на анализе редчайших источников. Основой исследования является перевод Жуковским повести Ж.-Ж. Руссо «Левит Ефραίмский», содержание которой восходит к Библейскому тексту. Зна-

чение перевода состоит в том, что он представляет собой «одно из ранних обращений поэта к работе с библейским сюжетом» (с. 43). Автор сравнивает три варианта текста: основной – библейский и два литературных, являющихся модификациями основного. Теоретическая задача, которую решает И.А. Айзикова, состоит не только в том, чтобы обнаружить религиозные корни прозы Жуковского, но и показать, как он понимает и трактует проблему общественной и нравственной гармонии, выдвигаемую и разрабатываемую в ветхозаветной «Книге Судей». Эта часть исследования очень важна, поскольку затрагивает проблему, характерную и для романтиков, особенно шеллингианской ориентации. В данном случае, пожалуй, следовало только уточнить функцию текста-посредника (Руссо) и пояснить некоторые детали, связанные библейским текстом, особенно значение слова «левит».

В общем стратегическом плане монографии следует выделить главы, которые раскрывают творческие взаимоотношения В.А. Жуковского с Г.С. Батеньковым (автор Ф.З. Канунова) и А.С. Стурдзой (автор И.А. Айзикова). Две значительные исторические фигуры – декабрист и монархист – высвечивают позицию Жуковского, который находясь в системе «большого диалога», органично ассимилировал и диалектически сочетал различные подходы к проблеме духовного мироустройства и нравственной гармонии человека и человечества. Потрясающая драматизмом судьба Батенькова, с которым Жуковский был совершенно согласен «в образе мыслей», закономерно привела его к постижению Бога. Ф.З. Канунова отмечает, что «романтики 40-х годов Жуковский и Батеньков приходят к пониманию той доминанты личности, которая проявляется через непосредственное общение с Богом...» (с. 126). Индивидуальное постижение Божественного начала связывается у поэта, по замечанию автора главы, с формированием «внутреннего образа», выражаемого «Словом». Это «Слово» было настолько значительно, что Батеньков без всякого сомнения констатировал: Жуковский как художник «занимает уникальное место в истории русской литературы» (с. 127). Следует при этом отметить, что автор главы сумел не только показать масштаб творческой личности Жуковского, но и значение его «спутника» в упорных и самоотверженных исканиях духовного идеала.

Значительно сложнее было ввести в контекст русского литературного и культурно-исторического процесса сочинения Стурдзы, при этом ввести так, что они обнаружили позитивный вектор духовных поисков Жуковского. Перед автором главы в этом отношении возникла деликатная задача «реабилитировать» позицию религиозного мыслителя и политика, которого очень не жаловал, например, молодой Пушкин, сочинявший на его «монархически-библейские» выступления едкие эпиграммы. Советские комментаторы Пушкина также не щадили Стурдзу, а исторические энциклопедии и энциклопедические справочники делали вид, что такого лица вообще в России не существовало.

И.А. Айзикова преодолела сложившийся стереотип отношения к Стурдзе и приняла во внимание только факты, которые, как известно, обладают необыкновенным упрямством. Факты подтверждают влияние Стурдзы на Жуковского, который внимательно читал его сочинения и остро на них реагировал. Сама категоричность Стурдзы в богословских вопросах помогает исследователю прояснить религиозно-этическую позицию Жуковского, его духовную ориентацию. Автор главы свидетельствует, например, о том, что Жуковский *подчеркнул* фразу Стурдзы: «Существование Бога есть истина, не нуждающаяся в доказательствах» (с. 138). В этом плане читателю представлено много фактов, которые дают возможность по-новому посмотреть и на поэтическое наследие «первого русского романтика». С методологической точки зрения обращение к духовной деятельности Стурдзы также имеет принципиальное значение. Рассматривая литературный и культурный процесс, исследователь не имеет права игнорировать явления, даже, может быть,

«фоновые», которые играют определенную роль в формировании системы. Печальный опыт показал, какие «перекося» возникали в освещении литературного процесса, когда изымались имена О. Сенковского, Н. Греча, Ф. Булгарина. Учет в этом плане наследия Стурдзы имеет положительный смысл. Думается, однако, что при всей очевидности и оправданности исследовательского пафоса автора главы, следовало бы несколько подробнее сказать о новом для читателя предмете в предваряющем главу вступительном параграфе. Полезно было бы также более подробно объяснить читателю отношение поэта к религиозным конфессиям, о чем вскользь говорится в конце главы.

Концептуальное значение имеет и глава об «Агасфере» Жуковского, написанная Ф.З. Кануновой. Советские литературоведы обходили это произведение дружным молчанием, хотя к нему положительно отнесся почитаемый кремлевскими идеологами Н.Г. Чернышевский в рецензии на издание собраний сочинений поэта в 1857 году. Это сочинение в отношении ортодоксальной религиозной доктрины занимает особое положение. Оно представляет собой «апокриф», преодолевший хронологические и территориальные границы и под пером некоторых авторов обретший чисто светский характер. Однако в интерпретации Жуковского он сохранил правдоподобную христианскую основу. Она представляет собой евангельский текст (Евангелие от Иоанна, XXI, 22-23), в котором говорится о возможности оставить в живых до момента второго пришествия свидетеля крестных страданий Христа. Ф.З. Канунова убедительно раскрывает сложную диалектическую структуру этого по сути итогового для поэта художественного феномена.

Финальным аккордом, своеобразным итогом является IX глава, в которой прослеживается работа Жуковского над Библией. Таким образом, заявленная в заглавии рецензируемой книги проблема находит логическое завершение. Новизна и актуальность предлагаемого материала открывают дальнейшие перспективы в этом направлении. Важно подчеркнуть, что труд Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой как монографическое целое состоялся, и будем надеяться, что этой акцией научные дерзания авторов не ограничатся. Славного продолжения!

Литература

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.

В.Г. Одинокоев
Новосибирский государственный университет

* * *

Душа города. Рецензия на сборник статей «Moscow and Petersburg. The city in Russian culture». Edited by Ian K. Lilly. Nottingham: Astra Press, 2002.

Рецензируемый сборник посвящен проблеме, которая стала популярной и актуальной в последние 5-7 лет. Нельзя сказать, что в отечественном литературоведении интерес к так называемым «городским текстам» возник *вдруг*, но, вместе с тем, приходится признать, что в изучении этого рода сверткостов есть заметные временные разрывы. Межа длиной почти в 60 лет пролегает между работами Н.П. Анциферова о литературных образах Петербурга и выпуском «Трудов по знаковым системам», Петербургу посвященных и содержащих важнейшие в плане изучения «городских текстов» статьи В.Н. Топорова [Топоров, 1984] и Ю.М. Лотмана [Лотман, 1984]. Ценность этих работ была признана филологами, но в течение